

СЕРГЕЙ РОМАНОВИЧ. ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Михаил Ф. Киселев
Российская академия художеств, Москва, Россия,
nii-arts@yandex.ru

Аннотация

Монография А.Н. Иншакова «Сергей Михайлович Романович. Искусство и жизнь» (БуксМАрт, 2022) рассматривает творчество художника в широком контексте отечественного изобразительного искусства XX века. Автор глубоко исследовал эволюцию мировоззрения Романовича, его стилистические и эстетические предпочтения — от авангарда к идеям «Маковца» и фундаментальному мировому классическому наследию.

Ключевые слова: Сергей Михайлович Романович, отечественное искусство XX века, библейские сюжеты, мифологические сюжеты

Для цитирования: Киселев М.Ф. Сергей Романович. Искусство и жизнь // Academia. 2023. № 4. С. 568–576. DOI: 10.37953/2079-0341-2023-4-1-568-576

SERGEY ROMANOVICH. ART AND LIFE

Michael F. Kiselev
Russian Academy of Arts, Moscow, Russia,
nii-arts@yandex.ru

Abstract

The monograph by A.N. Inshakov, “Sergey Mikhailovich Romanovich: Art and Life” (BooksMArt, 2022), explores the artist’s work in the broad context of Russian visual arts in the 20th century. The author deeply investigates the evolution of Romanovich’s worldview, his stylistic and aesthetic preferences – from avant-garde to the ideas of “Makovets” and the fundamental world classical heritage.

Keywords: Sergey Michailovich Romanovich, Russian Art of the 20th century, Biblical stories, Mythological plots

For citation: Kiselev, M.F. (2023), “Sergey Romanovich. Art and Life”, *Academia*, no 4, 2023, pp. 568–576. DOI: 10.37953/2079-0341-2023-4-1-568-576

Ил. 1. Прощание Гектора с Андромахой. 1920-е. Холст, мапсло. 57 × 69. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Перед нами первая обстоятельная монография¹ о выдающемся русском художнике С.М. Романовиче. Ее автор Александр Николаевич Иньшаков прослеживает жизненный и творческий путь мастера. На протяжении двенадцати глав, включая эпилог, читатель вслед за автором погружается в необычный духовный мир художника.

Сергей Михайлович Романович (1894–1968) — своеобразный и самобытный мастер. Он начинал как представитель авангарда, а потом обратился к творческой переработке классического наследия. Эволюция в искусстве Романовича скрупулезно и последовательно исследуется Иньшаковым.

Автор книги убедительно показывает роль Михаила Федоровича Ларионова в становлении художника. Восхищение Романовича Ларионовым, с которым его затем связала личная дружба, останется у него на всю жизнь. Иньшаков проанализировал те немногие сохранившиеся произведения мастера 1910–х годов, в которых проявилось влияние Ларионова, причем автор специально останавливается на творческой интерпретации Романовичем ларионовского лучизма. Забегая вперед, скажем, что лучистский опыт Романовича, как это тонко прослежено Иньшаковым, в зрелые годы скажется в особой свето-пространственной атмосфере живописи художника.

В искусстве Романовича Иньшаков справедливо выделяет основные темы, к которым обращался художник, начиная с 1920–х годов. Это античные мифы, библейско-евангельские мотивы и сюжеты мировой классической литературы.

После участия в авангардистских выставках 1910–х годов Романович становится одним из организаторов общества «Маковец» (1922–1926). В этом объединении ставилась задача создавать искусство высокодуховное, недаром в нем участвует В.Н. Чекрыгин, а посмертно в него был включен бывший «голуборозовец» П.И. Бромирский, которого хорошо знал и любил Романович.

Все три основные темы творчества Романовича ярко проявляются именно со времени его участия в деятельности объединения «Маковец». На страницах одноименного журнала художник декларирует важность использования традиций великих мастеров прошлого в современном искусстве. Сначала создаются гравюры на картоне, в некоторых

¹ Иньшаков А. Н. Сергей Михайлович Романович. Искусство и жизнь. БуксМАрт, 2022.

Ил. 2. Прометей. 1917. Бумага, карандаш. © Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 3. Геракл и Эврисфей. 1943. Бумага, тушь, перо. © ГМИИ имени А.С. Пушкина, Москва.

Ил. 5. Дневная вакханалия. 1940-е. Холст, масло. 51 × 71. © ГМИИ имени А.С. Пушкина, Москва.

Ил. 4. Античный мотив. Вакханалия. 1930-е. © Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 6. Изгнание Илиодора из храма (по Рафаэлю). Конец 1940-х. Холст, масло. 46 × 57. © Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 7. Чудо Георгия о змие (по Рубенсу). 1960-е. Бумага на картоне, масло. 55 × 76,5. © Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 8. Буря на Тивериадском озере. Начало 1950-х. Холст, масло. 64 × 79. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Ил. 9. Ладья Христа и спящие ученики. 1950-е. Бумага, уголь. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Ил. 10. Тайная вечеря. 1950-е. Холст, масло. 61,2 × 79,5. © Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 11. Распятие. 1950-е (?). Бумага, тушь, перо, карандаш.
© Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 12. Поругание римскими войнами. 1950-е. Холст, масло. 71,8 × 77,4.
© Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Ил. 13. Снятие с креста. 1950-е. Холст, масло. 40 × 36.
© Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Ил. 14. Сон Иакова. 1942. Бумага, тушь, перо.
© Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

Ил. 16. Несение креста. Пасхальный натюрморт. 1950-е. Холст, масло.
80,5 × 60,5. © Государственная Третьяковская галерея, Москва.

Ил. 15. Отречение Петра. 1940-е. Бумага, тушь, перо. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Ил. 17. Поклонение волхвов. 1950-е. Холст, масло. 71 × 80. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Ил. 18. Дон Кихот. Конец 1930-х. Бумага, карандаш. © Частная коллекция.

Ил. 19. Пейзаж в Ильинском погосте. 1938. Бумага, карандаш. © Государственный музей «Царскосельская коллекция», Санкт-Петербург, Пушкин.

из них Иньшаков усматривает мотивы Питера Пауля Рубенса и Эжена Делакруа. В 1920-е годы появляется и античная тема. Все это получит развитие в 1930-е годы, когда мастер оказывается исключенным из художественной жизни, но при этом усиленно работает. Автор монографии подробно рассказывает о том, как художник использовал репродукции классиков мировой живописи, приводя изображенное в соответствие со своим индивидуальным «живописным содержанием». Его любимые мастера — Рубенс, венецианцы XVI века, Делакруа. «Но в своем понимании мифа, — справедливо отмечает Иньшаков, — художник предстает отнюдь не тщательным копиистом, слепым и некритичным воспроизводителем, пусть даже и великих произведений прошлого. Напротив, Романович вносит весьма серьезные изменения в устоявшуюся композицию хорошо известной сцены, как бы осовременивая древний сюжет. Этому соответствует и экспрессивный характер живописи, также очень современный XX веку.

В качестве примера рассматриваются такие работы Романовича, как «Пан и Сирина», «Меркурий и Аргус». А в ряде произведений на античную тему назовем «Низвержение титанов» (варианты 1930-х — 1950-х годов), «Атланта и Мелеагр» (варианты 1930-х — 1950-х годов) и «Вакханалии» (1930-е годы), где отразилось его восприятие жестокости, происходившей в стране.

Рассматривая античные мотивы в творчестве Романовича, автор книги интересно и убедительно сопоставил их с проблематикой романа К.К. Вагинова «Козлиная песнь». Даже если Романович не знал этого произведения, такое сопоставление уместно, так как и художник, и писатель запечатлели свое время. Также следует заметить, что, анализируя произведения Романовича по мотивам античности, автор книги отмечает в них очевидное влияние трудов философа А.Ф. Лосева и трактовки мифов в сочинениях филолога Я.Э. Голосовкера.

Важнейшими в искусстве Романовича стали произведения на библейскую и евангельскую тему. От вольных «копий», таких как, например, «Изгнание Илиодора из храма» по Рафаэлю или «Буря на Тивериадском озере», где в основу положена композиция Делакруа, художник, отталкиваясь от произведений мастеров прошлого, создает собственные их интерпретации. Особенно интенсивно, начиная с 1940-х годов, Романович работает над религиозными сюжетами. Нельзя не согласиться с Иньшаковым, что в них мастер, пусть и пребывая во внутренней эмиграции, противостоял господствующей атеистической идеологии.

В этот период художнику особенно близко творчество Н.Н. Ге. Автор книги приводит разговор Романовича, в котором отмечается визионерский характер живописи Николая Ге. «Пожалуй, это наблюдение вполне может быть приложимо и к произведениям евангельского цикла самого Романовича», — справедливо заключает Иньшаков. Обращая внимание на удивительную светоносность полотен Романовича, например, таких как «Христос и Никодим», «Тайная вечеря», «Моление о чаше», сюжеты которых почерпнуты у Ге, Иньшаков приводит строки из рукописи Романовича о Ге, где тот, выделяя картину своего предшественника «Что есть истина?», говорит: «Здесь, в этой картине, как и в последующих, мы видим освобожденную энергию, великую борьбу света с тьмой». Но разве не та же освобожденная энергия была и в лучистских работах Ларионова, претворенный творческий опыт которого воспринял Романович, сделав свет и своим высоко одухотворяющим началом, по нашему мнению, превосходящим понимание света у Николая Ге?

А.Н. Иньшаков подробно описывает обращение Романовича к сюжетам мировой литературы. Это «вечные спутники» художника, но хотелось бы сосредоточить внимание читателя книги на позднем периоде творчества мастера. Кстати, начиная с рубежа 1960-х годов Романович начинает писать маслом по бумаге. Это позволяло ему ничего не переделывать в своих композициях. Конечно, и в этот период художник обращался к произведениям на мифологические и библейско-евангельские темы, но в данном случае хочется вместе с автором книги внимательнее присмотреться к тому, как именно в позднем творчестве мастера трактуются эти литературные сюжеты.

Особенно близка Романовичу была философия произведений Иоганна Вольфганга фон Гете. Помимо чрезвычайно экспрессивной трактовки эпизода из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера», отличавшейся от более лиричных интерпретаций сцен

из этого романа 1940-х годов, Романович часто обращается к образам Фауста и Мефистофеля. Несомненно, интересно предположение Иньшакова о воздействии на художника идей основоположника антропософии Рудольфа Штейнера. Подробный разбор работ мастера на тему гетевской трагедии убеждает в правомочности такого предположения.

Автор монографии останавливается и на иллюстрациях Романовича к произведениям А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, где образы этих авторов приобретают символическое звучание.

В книге подробно рассматриваются и другие жанры — портрет, натюрморт, пейзаж, рисунки Романовича. Поскольку художник занимался и литературным творчеством, Иньшаков посвятил целую главу своей книги эссе о Ван Гоге. Также автор уделил большое внимание воспоминаниям Романовича о Ларионове.

Исследователь постарался ничего не упустить в биографии мастера. В книге собран материал и о его монументальных работах, хотя эта часть творчества Романовича не сохранилась.

В заключение скажем, что монография «Сергей Михайлович Романович. Искусство и жизнь» может служить образцом научного искусствоведческого исследования.

Литература

1. Иньшаков 2022 — Иньшаков А. Н. Сергей Михайлович Романович. Искусство и жизнь. М.: БуксМАрт, 2022.

Информация об авторе

Михаил Ф. Киселев, доктор искусствоведения, профессор, академик Российской академии художеств, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, д. 21; nii-arts@yandex.ru

Author Info

Michael F. Kiselev, Dr. of Sci. (Art history), Professor, Academician of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia; 21 Prechistenka St, 119034 Moscow, Russia; nii-arts@yandex.ru

References

1. Inshakov, A.N. (2022), Sergey Michailovich Romanovich. Art and Life. BooksMArt, Moscow, Russia.